

На правах рукописи

Вашкявичус Валентина Юрьевна

**ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНО-ТЕОРЕТИЧЕСКОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ
ВОСПРИЯТИЯ И ВЕРБАЛИЗАЦИИ ШУМОВ
(на материале кодифицированных и окказиональных
звукоподражаний русского и китайского языков)**

Специальность 10.02.19 – теория языка

А В Т О Р Е Ф Е Р А Т
диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Кемерово 2011

Работа выполнена на кафедре русского языка
ФГБОУ ВПО «Алтайская государственная академия
образования им. В. М. Шукшина»

Научный руководитель: доктор филологических наук, профессор
Трофимова Елена Борисовна

Официальные оппоненты: доктор филологических наук
Колмогорова Анастасия Владимировна
кандидат филологических наук
Паули Юлия Сергеевна

Ведущая организация: **ФГБОУ ВПО «Иркутский государственный университет»**

Защита состоится 03 ноября 2011 года в 11 часов на заседании диссертационного совета Д212.088.01 по защите докторских и кандидатских диссертаций в ФГБОУ ВПО «Кемеровский государственный университет» по адресу: 650043, Кемерово, ул. Красная, 6.

С диссертацией можно ознакомиться в научной библиотеке ФГБОУ ВПО «Кемеровский государственный университет».

Автореферат разослан 29 сентября 2011 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета

М. А. Осадчий

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Реферируемое диссертационное сочинение посвящено исследованию явления межъязыкового иконизма, представляющего собой одну из наиболее сложных проблем современного языкознания. Вопрос о структуре языкового знака, характере взаимосвязи между его составляющими, условности и мотивированности в языке остаются актуальными и активно дискутируемыми в лингвистике на протяжении многих столетий, в течение которых учеными то безоговорочно отрицался, то признавался факт наличия некоей произвольной связи между планом выражения и планом содержания языковых единиц разных уровней.

Несмотря на то что современной наукой уже не оспаривается факт существования языкового иконизма, подавляющее большинство ученых придерживаются «умеренного» взгляда на вопрос о соотношении означающего с означаемым. Признавая, что в языке есть место как конвенциональному, так и иконическому, многие лингвисты тем не менее отводят последнему достаточно скромную роль. По сей день остаются открытыми вопросы о видах и типах иконизма, межъязыковом характере данного явления.

Особая роль в плане изучения лингвистической иконичности принадлежит звукоподражательной лексике как классу слов, в которых наиболее полно представлено отражение звуков окружающего мира.

Настоящая работа, посвященная поиску общих и национально-специфических особенностей восприятия и вербализации неречевых звуковых комплексов носителями русского и китайского языков, базируется на концепциях, отраженных в работах таких ученых, как Ч. Пирс (2001), А. М. Газов-Гинзберг (1965), А. П. Журавлев (1974, 1976, 1991), С. В. Воронин (1982, 1983, 1990, 1999, 2006), В. В. Левицкий (1973, 1994), Е. Б. Трофимова (2006, 2009) и др. Кроме того, работа обладает преемственностью по отношению к целому ряду исследований, выполненных при «Лаборатории антропоцентрической типологии» Алтайской государственной академии имени В. М. Шукшина под руководством профессора Е. Б. Трофимовой. **Актуальность** работы определяется необходимостью дальнейшего изучения проблемы восприятия и вербализации звуковых неречевых сигналов носителями разносистемных языков, поиска универсальных и уникальных способов непосредственной номинации при восприятии, изучения взаимоотношений между физической и ментальной сторонами знака. Исследование оформленных как псевдослова реакций с позиции психолингвистики позволяет определить возможность / невозможность корреляции между невербальными объектами действительности и вербальными единицами языка.

Объектом исследования являются кодифицированные ониматопы русского и китайского языков, а также окказиональные звукоподражания, полученные в ходе психолингвистического эксперимента с привлечением носителей указанных языков.

Предметом исследования выступают принципы вербализации звуков окружающего мира.

Материалом для исследования послужили как представленные в лексико-графических источниках звукоподражательные единицы русского и китайского языков, так и различные по акустическим параметрам неноминированные шумы.

Характер исследуемого объекта обусловил выбор следующих **методов и приемов**:

- приема сплошной выборки звукоподражательных единиц из словарей;
- описательного **метода**, базирующегося на таких исследовательских приемах, как наблюдение, сопоставление, классификация и обобщение, примененного при распределении отобранных звукоподражаний по группам рабочей классификации;
- **метода** системно-структурного анализа, позволившего проанализировать фонетические системы русского и китайского языков и установить универсальные и уникальные черты звукоподражаний исследуемых языков;
- **метода** психолингвистического эксперимента, использованного в целях определения уровня иконичности в звукоподражательных словах русского и китайского языков, а также в целях экспериментального исследования процесса вербализации неречевых сигналов носителями русского, английского и китайского языков;
- элементов количественного анализа, применяемых для обработки результатов экспериментов.

Достоверность и объективность исследования подтверждается достаточно большим количеством экспериментальных данных – 6 900 ответов, полученных от реципиентов – носителей русского и китайского языков.

Цель данной работы заключается в выявлении закономерностей восприятия и вербализации кодифицированных и окказиональных звукоподражаний носителями русского и китайского языков.

Указанная цель предполагает реализацию следующих **задач**:

- 1) проанализировать круг проблем, связанных с различными аспектами знаковой мотивированности, а именно проблемы структуры языкового знака, характера взаимосвязи между его составляющими, вопросы природы звукоизобразительности, а также механизмов восприятия и порождения звуковых комплексов;
- 2) провести системно-структурный сравнительный анализ русских и китайских звукоподражаний и выявить общие и различные черты перевода неречевых звучаний в речевые в исследуемых языках;
- 3) организовать серию психолингвистических экспериментов, направленных на изучение процессов восприятия и вербализации носителями исследуемых языков;
- 4) на основе анализа полученных экспериментальных данных выявить особенности восприятия кодифицированных ономапов носителями русского и китайского языков;
- 5) осуществить сопоставительный анализ окказиональных звукоподражаний, полученных в результате эксперимента, и выявить специфические и общие для рассматриваемых языков принципы фиксации неречевых звучаний языковыми средствами;

б) проверить степень иконичности полученных в результате экспериментов окказиональных звукоподражательных слов.

Новизна работы состоит в следующем: а) в создании классификации звукоподражаний русского и китайского языков; б) в осуществлении сопоставительного анализа и выявлении общих и национально-специфических признаков, свойственных артикуляционным и акустическим характеристикам ономатопоов исследуемых языков; в) в выявлении особенностей восприятия кодифицированных звукоподражаний русско- и китайскоязычными носителями; г) в определении основных стратегий вербализации в русском, английском и китайском языках; д) в получении дополнительных сведений о характере иконизма с точки зрения его национальной и межязыковой представленности.

Теоретическая значимость заключается в выявлении дополнительных сведений об иконической составляющей звукоподражательной лексики структурно-типологически и генетически различных языков, что имеет непосредственное отношение к проблеме взаимосвязи звука и значения в целом. Исследование феномена вербализации на материале разноструктурных языков позволяет осветить вопросы функционирования языковых единиц в различных системах и пополнить информацию о проблемах мотивированности языкового знака.

Практическая значимость работы заключается в том, что предложенная в ней методика экспериментального изучения иконизма в сопоставительном аспекте на материале звукоподражаний и неноминированных шумов в китайском, русском и английском языках может быть востребована в аналогичных исследованиях на другом языковом материале. Результаты исследования могут быть использованы в курсах по теории языка, спецкурсах по фоносемантике, психолингвистике и когнитивной лингвистике. Материал работы также может найти применение в лингводидактике и практике преподавания иностранных языков, в том числе РКИ (русского как иностранного), в частности, при решении проблем, связанных с языковой интерференцией.

На защиту выносятся следующие положения:

1. Звукоподражания разносистемных языков, несмотря на наличие специфических черт, связанных с типологическими особенностями языка, во многом обнаруживают сходство между собой, что свидетельствует об использовании сходных принципов их образования в языках, важнейшими из которых являются звуковая корреляция и языковой иконизм.

2. Опорой для опознавания звукоподражаний неродного языка в процессе их восприятия носителями служит не только акустическое сходство (фонетическая близость, способствующая узнаванию), но и полный или частичный повтор (иногда с чередованием гласных), используемый в обоих языках для обозначения шумов с длительным звучанием.

3. Процесс вербализации неречевых звучаний в обоих языках базируется на сходных принципах, основным из которых является иконизм, реализующийся через способ образования используемых звуков и употребление полных или частичных повторов.

4. Характер китайского языка накладывает отпечаток на процессы вербализации: выход носителей указанного языка за пределы слога практически невозможен в силу жесткой слоговой структуры.

Апробация работы

Основные положения исследования в виде докладов, выступлений, сообщений излагались на научных семинарах и конференциях «Общетеоретические и типологические проблемы языкознания» (Бийск, 2005 г.), «Общетеоретические и типологические проблемы языкознания» (Бийск, 2006 г.), «Общетеоретические и типологические проблемы языкознания» (Бийск, 2007 г.), «Языкознание и литературоведение в синхронии и диахронии и методика преподавания языка и литературы» (Тамбов, 2007 г.), «Картина мира: язык, литература, культура» (Бийск, 2008 г.).

Апробация и обсуждение отдельных частей работы также проходили в Алтайской государственной академии имени В. М. Шукшина на заседаниях кафедры русского языка, заседаниях «Лаборатории антропоцентрической типологии», аспирантских семинарах в 2003–2009 гг.

По теме диссертации опубликовано 6 работ общим объемом 1,86 п.л., в том числе одна в издании, рекомендованном ВАК РФ.

Структура и объем работы. Диссертационная работа носит экспериментально-теоретический характер, общий объем работы составляет 187 страниц (из них 150 страниц – основной текст). Работа состоит из Введения, трех глав, Заключения, Библиографического списка, включающего 166 наименований, шести Приложений.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **Введении** определяется актуальность работы, ее новизна, формулируются цели, задачи и методы исследования, указываются объект и предмет исследования, описывается материал исследования, структура, содержание и апробация работы, определяется её теоретическая и практическая значимость, а также излагаются положения, выносимые на защиту.

В **первой главе «Проблема знаковой мотивированности с позиций восприятия и порождения речи»** нашел свое отражение анализ фоновых знаний о тех аспектах семиотики, которые имеют отношение к структуре языкового знака, проблемам взаимосвязи между его составляющими, роли звукоподражания в создании звуковых оболочек. Здесь рассматривается проблема языкового иконизма, раскрывается современное понятие данного явления, его сущности и видов.

Вопрос о структуре языкового знака и характере взаимосвязи его составляющих, несмотря на большое количество исследований в данной области, нельзя считать окончательно разрешённым. Тем не менее, наличие в языковом знаке как мотивированной, так и произвольной составляющих не вызывает сомнений у большинства учёных. Соотношение иконичности / конвенциональности непосредственно связано с характером номинируемого знаком объекта. Иконическая составляющая широко представлена в звукоизобразительной и звуко-символической лексике. При этом звукоподражание и звуковой символизм основаны на разных типах иконичности – внешнем (прямое отображение означаемого через означающее) и внутреннем (не выраженная внешне, но реконструируемая в ходе психолингвистических экспериментов взаимосвязь между планом выражения и планом содержания). Наиболее мотивированными знаками являются знаки, непосредственно воспроизводящие существенные признаки объекта, то есть звукоподражания. Звукоподражание – это иконический знак, который максимально реализует связь между планом выражения и планом содержания по их внешним показателям. Именно эта особенность звукоподражательной лексики определяет ее исключительную ценность для изучения механизмов восприятия и порождения сигналов различной природы в условиях психолингвистического эксперимента.

Экспериментальным изучением феномена иконичности при восприятии и порождении знаков различных типов, полученных путем вербализации, занимается «Лаборатория антропоцентрической типологии» Алтайской государственной академии образования имени В. М. Шукшина. Под вербализацией понимается «процесс окказионального означивания сигналов любой природы носителями того или иного языка в условиях психолингвистического эксперимента» (определение введено в научный оборот профессором Е. Б. Трофимовой).

В рамках данного направления М. Э. Сергеевой и Е. Ю. Филипповой были выполнены исследования процесса порождения окказиональных языковых единиц (в основном в форме псевдослов), целью которых являлось определение того, насколько в окказиональных лексических единицах, порождаемых в ходе психолин-

гвистических экспериментов разноязычными носителями, отражаются закономерности родного языка. В экспериментах указанных авторов были задействованы сигналы различной природы: акустические и зрительные.

М. Э. Сергеевой с целью исследования процесса вербализации было проведено два эксперимента, первый из которых был направлен на акустико-артикуляционное восприятие услышанных звучаний и их фиксацию средствами языковой системы, а цель второго заключалась в выявлении акустических и звуко-символических характеристик шумов.

Результаты проведенных экспериментов позволили вывести три универсальных принципа вербализации шумов, а именно: принцип звуковой корреляции, принцип подтягивания шумов к языковой системе и принцип вариативности.

Исследование восприятия шумов и их последующая фиксация средствами языка показало, что современный носитель способен переводить недискретные звуковые единицы в дискретные, несмотря на не востребованность этого механизма в повседневной жизни. Кроме того, выявленные в результате исследования окказиональных звукоподражаний универсалии и уникалии подтверждают положение о том, что вербализация, с одной стороны, отражает общие свойства восприятия человека (универсалии), а с другой – обусловлена системой языка (уникалии).

Экспериментальное исследование процесса вербализации зрительных сигналов носителями русского и алтайского языков, проведенное Е. Ю. Филипповой, позволяет прийти к выводу о том, что носители русского языка в условиях психолингвистического эксперимента способны номинировать не получившие языковой кодификации объекты с помощью псевдослов.

К внутриязыковым типологическим особенностям характера вербализации нестандартных зрительных стимулов относятся: а) проявление иконизма; б) влияние системы русского языка на фонетическую (сегментную и супraseгментную) структуру псевдослов; в) более отчетливое, чем в естественных языковых единицах, отражение в псевдословах статистических закономерностей системной организации языка.

При вербализации нестандартных зрительных сигналов носителями алтайского языка проявляется зависимость фонетико-графической оформленности псевдослов от характера системно-структурной организации алтайского языка, а частотность употребления консонантных единиц в псевдословах данного языка, номинирующих фигуры, ниже частотности использования того же класса звукобукв в псевдословах, вербализующих цветовые оттенки.

Интроспективный анализ результатов вербализации показал отсутствие проявлений иконизма в псевдословах, полученных от носителей алтайского языка. Возможно, при исследовании данных единиц в восприятии алтайскоязычных информантов результаты будут несколько иными, так как процессы порождения и восприятия ориентируются на разные стратегии.

Т. А. Пруцких в работе, посвященной проявлениям иконизма в языке, экспериментально исследовала звуко-символическую связь между лабиальными звуками и значением округлости и пейоративности в словах с лабиальными финалями в

китайском языке и пришла к выводу о том, что лабиальные финалы китайского языка порождают звукосимволические значения двух типов: выражения округлости как отражение в значении конфигурации лабиальных звуков и значения пейоративности, связанное с характером ассоциаций, вызываемых восприятием лабиальных фонетических единиц. Автор выдвигает гипотезу, согласно которой восприятие округлости связано с артикуляционными характеристиками финалей, пейоративность же опирается на акустические признаки лабиальных финалей. Данная гипотеза нуждается в проверке на материале языков разного типа для доказательства или опровержения как проявления универсального символизма, так и степени влияния акустических и артикуляционных признаков на восприятие носителей.

Продолжая работу в области иконизма, поиска путей подтверждения его межнационального характера, Е. В. Панькина в работе, посвященной восприятию звукоподражаний русского, английского, алтайского и монгольского языков иноязычными носителями, описывает два типа иконических свойств, на которые опираются воспринимающие при идентификации слов-стимулов: иконические свойства межъязыкового характера (наличие внешнего фонетического сходства между звукоподражаниями-стимулами и звукоподражаниями родного языка информантов) и иконические свойства внутриязыкового характера (сохранение качества природных звучаний в звукоподражательной лексике неродственных языков).

Изучение универсального звукосимволизма на материале разносистемных (русского, английского, китайского, армянского) языков осуществляется также в диссертационном исследовании С. В. Никрошкиной. Автор настоящей работы выдвигает предположение о том, что получение представления о значении незнакомого слова в большой степени обусловлено его звучанием. Ряд психолингвистических экспериментов, направленных на определение уровня иконичности слов разносистемных языков, позволили исследователю сделать вывод о том, что респонденты получают достаточно полную информацию о значениях эмоционально ярко окрашенных слов незнакомого языка. Точность и верность этой информации подтверждается высоким процентом правильности опознания предъявленных реципиентам пар. Этот факт, по мнению С. В. Никрошкиной, свидетельствует о существовании определенного соответствия между фонетической оболочкой слова и его семантическим значением, что подтверждает универсальность явления звукового символизма.

Таким образом, теоретико-экспериментальная работа, направленная на исследование вербализации разного рода сигналов носителями различных языков, доказала саму возможность «оязычить», номинировать объекты окружающей действительности и возможность проследить данный процесс. Механизм вербализации был описан, выявлены присущие ему уникальные и универсальные черты. Исследования были поддержаны грантом РГНФ (проект «Процесс вербализации звуковых и зрительных сигналов разноязычными носителями» (№ 06-04-00009а), и их результаты были опубликованы в коллективной монографии Е. Б. Трофимовой, М. Э. Сергеевой, Е. Ю. Филипповой «Окказиональная вербализация сигналов различной природы носителями разносистемных языков» (2009).

Во второй главе «Системно-структурный анализ ономастов русского и китайского языков» рассматриваются вопросы, связанные с фонетическими системами русского и китайского языков, сопоставляется их звукоподражательная лексика. Данный материал необходим для того, чтобы описать эталон изначальной перекодировки неречевого материала в речевой, что сможет послужить ключом к пониманию экспериментального материала.

Сопоставительный анализ фонетических систем русского и китайского языков выявил следующие специфические характеристики русского языка: наличие гласного переднего ряда среднего подъема [э] и гласного среднего ряда верхнего подъема [ы]; отсутствие дифтонгов, трифтонгов и апикальных гласных фонем; отсутствие ограничений на использование гласных; наличие противопоставления согласных по твёрдости-мягкости; звонкости-глухости; дентальная ориентация согласных; наличие специфических согласных: [ʂ]; [ʐ]; [p]; [ʉʰ]; явление нейтрализации.

В китайском языке специфическими характеристиками являются: наличие переднего умлаута *ü* и негубного гласного заднего ряда среднего подъема *e*; наличие дифтонгов, трифтонгов и апикальных гласных фонем; ограничения на использование гласных в составе слога; наличие тоновых оппозиций; противопоставление глухих согласных по наличию /отсутствию придыхания; альвеолярная ориентация согласных; наличие специфических согласных: [ʃ], [q], [x], [z], [ʒh], [ŋ].

В акустическом отношении характеристики звуков русского и китайского языков: обнаруживают совпадения по 8 из 12 акустических признаков (наличие таких противопоставлений, как: гласные-негласные, согласные-несогласные, высокие-низкие, компактные-диффузные, бемольные-небемольные, прерванные-непрерванные, резкие-нерезкие, а также отсутствие противопоставления «напряженный-ненапряженный»). Специфическим отличием акустической классификации в русском языке является отсутствие таких дифференциальных признаков, как глоттализированный-неглоттализированный, носовой-ртомый. В китайском не реализуются такие противопоставления, как звонкий-глухой, диззный-недиззный.

Проведенный анализ послужил основой для сравнения кодифицированных ономастов исследуемых языков. Анализируемые звукоподражания были отобраны методом сплошной выборки из «Словаря русского языка»: В 4-х т. / РАН, Ин-т лингвистич. исследований; Под ред. А. П. Евгеньевой. – 4-е изд., стер. – М.: Изд-во «Русский язык», 1999 и «现代汉语词典 / 商务印书馆». – 北京, 1999 年.

Выбор указанных словарей не был случаен: они сопоставимы не только по году издания (1999), но и по объему (80 тыс. единиц в словаре русского языка, 75 тыс. единиц в словаре китайского языка). Критерием отбора послужила помета «звукоподр.» (像 в китайском языке). Всего было отобрано 132 звукоподражания русского языка и 150 звукоподражаний китайского языка.

Первым этапом анализа стала классификация ономастов, которые первоначально были разделены на три большие группы: ономасты группы неживой природы и артефактов; ономасты группы живой природы (звуки, издаваемые млекопитающими, птицами и насекомыми); звуки, издаваемые человеком. Далее указан-

ные группы для удобства описания и внесения ясности в картину количественной представленности звукоподражаний были расчленены на более мелкие подгруппы. Следует подчеркнуть, что многие оноματοпы как русского, так и китайского языков, являются многозначными, вследствие чего могут встречаться в разных группах.

Анализ оноματοпов позволяет говорить о том, что, по сравнению с русскими звукоподражаниями, китайские отличаются большим разнообразием. Например, в китайском языке встречается гораздо большее количество звукоподражаний, обозначающих хлопки, удары, стуки, здесь одному русскому звукоподражанию может соответствовать несколько китайских. Можно говорить также о большей конкретизации значений китайских звукоподражаний (большой камень, падающий в воду).

В русском языке нет эквивалентов некоторым китайским звукоподражаниям. Обычно это слова с конкретным значением (хруст снега) или, наоборот, с широким значением (размеренный, отчётливый звук).

Фонемный состав звукоподражаний русского и китайского языков коррелирует в акустическом отношении. Рассмотренные ономаты характеризуются использованием низких непрерывных нерезких звуков, сонорных и гласных переднего ряда для описания высоких звучаний: 琅琅 *lángláng* (подражание звукам, издаваемым при соприкосновении, ударении металлических, фарфоровых или стеклянных предметов между собой), динь-дон [дин'дон] (подражание звуку колокольчика); гласных заднего ряда для изображения низких шумов: 呼呼 *hū* (подражание завыванию ветра), у-у-у [y] (подражание кому-либо гудящему, воющему, свистящему звуку).

Анализ звукового состава показывает, что наиболее часто употребляемыми гласными в звукоподражаниях китайского языка являются *a* – 32,5 % от общего числа оноματοпов, *i* – 31,8 %, *u* – 29,0 %, реже *o* – 14 %, *e* – 12,6 %, не выявлен *ü*. В русском: [y] – (28,6%), [a] – (25,4%).

Наиболее часто встречающимися согласными в звукоподражаниях китайского языка являются заднеязычный смычный непридыхательный *g* – 45,7 % заднеязычный щелевой *h* – 23,9 %, губно-губной смычный придыхательный *p* – 12,7 %, переднеязычный смычный непридыхательный *d* – 12,0%. В русских звукоподражаниях: [b] – (12,7%), [n] – (12,7%), [x] – (25,4%), [k] – (31,1%), [p'] – (24,6%).

Для русских звукоподражаний характерны стечения согласных (*grox*, *плюх*, *шарк-шарк*, *трюх-трюх*). В китайских – стечения согласных нет, что объясняется фонетической системой языка.

Многие китайские звукоподражания оканчиваются на заднеязычный носовой *-ng* (30,5 % от общего количества проанализированных оноματοпов), что соответствует русскому носовому сонанту [н] (встречается лишь в 2,4 % русских оноματοпов). Например, 丁当 *dīngdāng* – в китайском, дин-дон – в русском.

Для обозначения отрывистых, резких звуков в обоих языках используются взрывные, но в русском – в конце слога: хлоп, шлёп, в китайском – в начале слога: 吧嚓 *bācā*, 啪哒 *pādā*.

Для обозначения шумов с длительным звучанием в обоих языках используются прежде всего полные повторы: 当当 *dāngdāng*, *буль-буль*; а также повторы с чередованием гласных или согласных: 劈里啪啦 *pīlīpālā*, *тра-та-та*.

Сходные по структуре слова идентичны или близки и по значению, что облегчает понимание: 丁东 *dīngdōng*, *дин-дон*.

Наблюдаются различия по месту образования согласных (зубные [d, t] в русском языке – альвеолярные *d, t* в китайском).

Не выявлены эквиваленты для ряда китайских звукоподражаний как конкретного, так широкого и значения: 咕咚 *gūdōng* – падение тяжёлого предмета в воду; 唧啾 – *zhōujiū* – тихий, тонкий звук.

Большинство китайских звукоподражаний произносится первым тоном.

Интересен тот факт, что многие звукоподражания с инициальной *p* в китайском языке описывают громкий звук: 嘭嘭 *pēngpēng* «громкий стук в дверь»; 乒拍 *pīngpāi* и 嘭拍 *pēngpāi* «звукоподражание рёву волн»; 噼里啪啦 *pīlīpālā* «звукоподражание треску хлопушек»; 噼噼啪啪 *pīpīpā* «звукоподражание трескотне (о винтовке, аплодисментах), громкому шелесту перелистываемых страниц»; 乒铃乓啷 *pīnglíngpāngláng* «звуки беспорядочного шума, треска, шумной ссоры между супругами с битьём тарелок»; 嘣嘣 *pēngpēng* «звук падения большого предмета на землю»; 乒乒乓乓 *pīngpīngpāngpāng* «звук падения многочисленных предметов на землю»; 拍拍 *pāipāi* «звук пощёчин»; 噼啪 *pīpā* «звук разрыва верёвки».

Аналогичное употребление отмечено для инициали *h*: 呼呼 *hūhū* «звукоподражание завыванию ветра»; 轰轰 *hōnghōng* «звукоподражание рокоту волн»; 哗啦啦 *huālālā* «звукоподражание плеску как гулу, шуму (о ручье, флаге на ветру, водопаде)»; 嗡嗡 *hūlūlū* «звукоподражание мерному шуму, непрерывному рёву»; 咳咳 *hāihāi* «звукоподражание бою барабанов»; 轰铃 *hōnglíng*, 轰轰 *hōnghōng* и 轰隆 *hōnglóng* «звукоподражание грому, грохоту».

Подобное использование звукоподражаний напоминает звуко-символизм, хотя ряд исследователей отмечают, что в китайском языке ономастические слова могут быть разнесены по определённым семантическим полям, обозначающим один общий признак, где каждое звукоподражание, входящее в это поле, уточняет отображаемый признак (Э. Э. Уланова, О. П. Фролова).

Проведенный анализ позволил выделить следующие признаки, свойственные звукоподражаниям обоих языков:

1) в обоих языках чаще всего используются близкие по звучанию гласные звуки;

2) значительная часть звукоподражаний обоих языков оканчивается на носовые сонанты (та же закономерность характерна и для полнзначных слов китайского языка);

3) для обозначения резких, отрывистых звуков используются взрывные (в русском – в конце, в китайском – в начале слога);

4) для обозначения шумов с длительным звучанием используются полные или частичные повторы слогов;

5) для обозначения двухфазового действия используются повторы с чередованием гласных разных подъёмов;

6) встречаются сходные по структуре и значению слова.

Признаки, свойственные звукоподражаниям одного из языков:

1) различие в месте образования согласных. Это легко объясняется тем, что китайские согласные ориентируются прежде всего на альвеолы;

2) взрывные в китайском встречаются всегда в начале слога, в русском – обычно в конце;

3) отсутствие стечения согласных в китайских звукоподражаниях;

4) гласные звуки, хотя и сходны по звучанию, всё же неидентичны, различаются по рядности;

5) не найдены эквиваленты для ряда китайских звукоподражаний либо с широким, либо с конкретным значением.

Звукоподражания каждого из рассматриваемых языков имеют специфические признаки, связанные в первую очередь с особенностями фонетической системы языка. Тем не менее, выявленные в результате анализа общие признаки говорят о том, что процесс вербализации в обоих языках проходит по сходным принципам.

Третья глава «Экспериментальное исследование процессов восприятия и вербализации русских и китайских звукоподражаний» представляет собой описание и интерпретацию серии психолингвистических экспериментов, целью которых является определение уровня иконичности в звукоподражательных словах русского и китайского языков как универсального средства сохранения идентичности между планом выражения и планом содержания. В рамках исследовательской программы был запланирован и проведен ряд психолингвистических экспериментов, результаты которых позволят установить, является ли иконизм внутриязыковым явлением или носит межнациональный характер.

В качестве респондентов в экспериментах принимали участие студенты 1–3-х курсов филологического факультета Алтайской государственной академии образования имени В. М. Шукшина и Хэйлуцзянского университета КНР.

Первый эксперимент, направленный на исследование восприятия звукоподражаний русского и китайского языков иноязычными носителями, заключался в предъявлении китайскоязычным и русскоязычным носителям звукоподражаний неродного для них языка. В качестве экспериментального материала были использованы кодифицированные звукоподражания русского и китайского языков, отобранные из словарей. Было отобрано по 30 русских и китайских звукоподражаний, соотносимых по плану содержания. Они были записаны на аудиодиск женщинами – носителями русского языка и современного нормативного китайского языка путунхуа. Каждое звукоподражание повторялось на диске пять раз. В эксперименте участвовало по 40 носителей каждого языка. Им была предложена следующая инструкция: «Вы услышите 30 звукоподражательных слов неизвестного вам языка, каждое слово будет предъявлено пять раз. Ваша задача – подобрать для данных звукоподражаний

аналоги в русском языке и записать их». В результате было получено по 30 русских окказиональных звукоподражательных слов от каждого реципиента, которые, по их мнению, соответствовали предложенным ономатопам.

Полученные в ходе экспериментов данные наглядно показывают, что и носители русского, и носители китайского языков успешно опознают определённую часть звукоподражаний группы живой природы, проценты узнавания достаточно высоки (48,2 % и 39,6 % соответственно). Проценты опознания по группе ономатопов неживой природы значительно меньше (17,4 % и 21,5 % соответственно). Можно выделить лишь ономатопы *динь-дон* (丁当 *dīngdāng*), *тук-тук* (咚咚 *dōngdōng*) и *тук-так* (嘀嗒 *dīdā*), имеющие высокие проценты узнавания (93 %, 82 % и 76 % соответственно). Многие из предъявленных звукоподражаний этой группы не были опознаны ни одним из информантов.

Некоторые звукоподражания обеих групп сходны по звуковому составу: *га-га* – *gāgā* (嘎嘎); *мяу-мяу* – *miāomiāo* (喵喵); *му-у-у* – *mōumōu* (哞哞); *динь-дон* – *dīngdāng* (丁当) и др. Закономерно, что проценты опознания этих звукоподражаний высоки (от 85 % и выше). На втором месте по степени узнавания находятся те ономатопы, которые совпадают по каким-либо звуковым характеристикам (например, по месту или способу образования): *тук-тук* – *dōngdōng* (咚咚) – в начале слогов в обоих случаях используются переднеязычные смычные взрывные согласные. Ряд звукоподражаний, несмотря на фонетическую несхожесть, был опознан достаточным количеством реципиентов. Например, звукоподражания *зав-зав* – *wāngwāng* (汪汪) (78 и 67 % соответственно); *бац* – *pācā* (啪嚓) (42 и 22 % соответственно). Можно предположить, что опорой для узнавания в первом случае послужил повтор, который используется в обоих языках для обозначения шумов с длительным звучанием. Во втором случае для обозначения резкого, отрывистого звука используются взрывные (в русском – в конце, в китайском – в начале слога).

Таким образом, анализ полученных экспериментальным путём данных позволяет прийти к выводам о том, что наиболее узнаваемыми являются звукоподражания группы живой природы, а также звукоподражания, совпадающие или близкие фонетически; носителями обоих языков успешно опознаются звукоподражания, совпадающие хотя бы по одному из признаков (место или способ артикуляции); опорой для узнавания в ряде случаев выступает повтор, используемый в обоих языках для обозначения шумов с длительным звучанием, а также привлечение взрывных звуков для обозначения резких, отрывистых шумов.

Результаты эксперимента говорят об определённом уровне межъязыкового иконизма звукоподражаний русского и китайского языков, проявляющегося в отражении означающего через означаемое. Вместе с тем, анализ экспериментальных данных не позволяет на настоящем этапе утверждать, что иконизм проявляется во всех без исключения ономатопах.

Задача следующего эксперимента состояла в обнаружении принципов вербализации различных шумов носителями разноструктурных языков, общих для рус-

ского, английского, китайского языков, а также специфических, характерных лишь для одного из них.

В качестве реципиентов в эксперименте приняли участие носители китайского языка в количестве 50 человек. Им было предъявлено 25 различных по акустическим параметрам шумов, записанных на аудиокассету:

- 1) скрежет ножа о металлический предмет или о точильный брусок;
- 2) высокий короткий удар двух металлических предметов;
- 3) звук автомобильного клаксона;
- 4) короткий звук падения предмета в воду;
- 5) короткий глухой хлопок;
- 6) глухой удар выбивания ковра либо удар ремнем по мягкой ткани;
- 7) звук, напоминающий «чмокающий» поцелуй;
- 8) короткий гудок;
- 9) длительный звук оттягивания натянутой струны;
- 10) звук вибрирующей металлической доски;
- 11) звук ремня, рассекающего воздух;
- 12) звук выстрела;
- 13) жужжание насекомого;
- 14) звук разбитого стекла;
- 15) звук, издаваемый птицей;
- 16) звук, издаваемый кабаном;
- 17) звук падения множества маленьких шариков в сосуд;
- 18) звук телефонного гудка;
- 19) звук льющейся воды;
- 20) звук открывания несмазанной двери;
- 21) глухой удар по качающемуся предмету;
- 22) звук улетающей птицы;
- 23) высокий свист птицы;
- 24) удар кнутом;
- 25) вибрация пилы.

Каждый шум воспроизводился на кассете пятикратно. Предлагалась следующая инструкция: «На плёнке вы услышите 25 различных звучаний, каждое звучание будет предъявлено пять раз. За время прослушивания шума вам нужно записать его совокупностью звуков (псевдословом), не существующих в Вашем родном языке. Постарайтесь наиболее близко передать звучание посредством слова».

Полученные реакции были проанализированы с точки зрения их звукового состава и сопоставлены с результатами аналогичного исследования, проведённого М. Э. Сергеевой на материале русского и английского языков (2002). Привлечение данного материала продиктовано прежде всего попыткой поиска общих черт и национально-специфических отличий в структурно-типологически и генетически различных языках. Русский и английский языки относятся к флективным типам языков, но принадлежат к разным группам индоевропейской семьи языков (восточной подгруппе славянских языков и западногерманской подгруппе германских языков соот-

ответственно). Китайский язык является изолирующим и относится к китайско-тибетской семье. Таким образом, указанные языки максимально отдалены друг от друга по своим типологическим характеристикам, что обуславливает ценность сопоставления относящегося к данным языкам материала и перспективность привлечения носителей указанных языков к проведению такого рода экспериментальной работы.

Результаты эксперимента показывают очевидные совпадения по способу образования начальных согласных при вербализации практически всех представленных шумов. Например, при вербализации скрежета ножа о металлический предмет или о точильный брусок китайскоязычные носители используют в качестве инициала щелевой звук *sh* (*shi, shuo, shun, si, shu, sh, ci*), русскоязычные носители – щелевые [*ʃ*], [*ɕ*], [*x*], [*u*], [*ʉ*] (*n-ʃ, нуик, вху, уссс, нуик, шум, пфэу, сш, хья*), а англоязычные – звук [*s*] (*schrick, scrape, ssshheerrp, wishop, sher-ch*).

Довольно часто наблюдаются совпадения в использовании гласных звуков. Например, при вербализации звука автомобильного клаксона и в китайском, и в русском вариантах преобладают *-u* и [*y*]: *пу, ту, нуу, фузс, нупф, нуф*. При обозначении короткого звука падения предмета в воду китайскоязычные носители применяют в качестве финали гласные *-o, -u* (*бу, ду, бо, донг*), англоязычные – [*o*], [*u*] (*pop, whoup, whomp, whock*).

Носители всех рассматриваемых языков используют в качестве псевдослов кодифицированные слова или их видоизменённые варианты. Например, *hua-la* и его модифицированный вариант *ha-la*, кодифицированное *дзинь* и его вариант *пзинь*, кодифицированные подражания *plop, clank*. Словарные слова в несколько изменённом виде использует достаточно большое количество информантов. Это, вероятно, говорит о том, что современному человеку, поставленному в условия, при которых он вынужден порождать не существующие в языке слова, достаточно сложно справиться с такого рода задачей: влияние информационного шума весьма велико.

В конечной позиции широко используются сонанты: *bang, deng, feng, дзинь, пцынь, бьюим*.

И русско-, и китайскоязычные носители пытаются преодолеть преграду, созданную фонетической системой каждого из языков, русскоязычные носители «создают» не существующие в языке дифтонги: [*эу*], [*ай*], [*ой*], китайскоязычные – слоги, состоящие из одного согласного или невозможных для китайского языка сочетаний согласных и гласных: *sh, cei, biu*.

Носители всех рассматриваемых языков используют частичный или полный повтор слогов для обозначения длительности шумов. Следует отметить, что китайскоязычные носители реже используют этот способ при вербализации, несмотря на то, что в указанном языке содержится большое количество кодифицированных звукоподражаний, образованных путём дублирования.

Наряду с универсальными принципами вербализации, можно отметить и ряд специфических:

Китайскоязычные носители, связанные фонетической системой и жёсткой фиксированной структурой слога, используют в срединной позиции исключительно

гласные звуки (и их сочетания), а в конечной позиции только гласные звуки (и их сочетания) или носовые сонанты. Варианты, предложенные русскоязычными носителями, значительно разнообразнее по звуковому составу.

Псевдослова, созданные китайскоязычными носителями, имеют в своём составе не более четырёх звуков в одном слове.

Русскоязычные носители используют слова, состоящие из одних согласных: *дррр*, *хврб* и др. Китайскоязычные носители не могут предлагать такие варианты в силу особенностей фонетической системы.

Таким образом, общие принципы вербализации существенно преобладают над специфичными чертами. К тому же специфичные черты, присущие процессу вербализации китайскоязычными носителями, обусловлены в первую очередь фонетической системой китайского языка и характерными особенностями структуры китайского слога. Поэтому на основе результатов проведённого анализа, можно сделать вывод о том, что процесс вербализации в исследуемых языках опирается на сходные принципы, ведущими из которых можно назвать способ образования используемых звуков, употребление полных или частичных повторов и иконизм, проявляющийся в отражении означающего через означаемое.

Для проверки степени иконичности звукоподражательных псевдослов, полученных в предыдущем эксперименте, было проведено исследование, в ходе которого носителям русского языка был предъявлен ряд наиболее часто повторяющихся окказиональных звукоподражаний, предложенных китайскоязычными носителями. Они были записаны на аудиодиск носителем китайского языка. Каждое звукоподражание воспроизводилось пятикратно. Информантам в количестве 50 человек была предложена следующая инструкция: «Вы услышите 15 звукоподражательных слов неизвестного вам языка, в ходе прослушивания запишите, какие объекты действительности (артефакты, птицы, животные, люди), по вашему мнению, могут их издавать».

В итоге были получены крайне низкие результаты опознания: только один из представленных шумов (высокий короткий удар двух металлических предметов) был опознан 26 % участников эксперимента. Все остальные окказиональные звукоподражательные слова по степени узнавания не достигают даже 20-процентного рубежа. При этом слова, опознанные наибольшим количеством информантов, артикуляционно схожи с соответствующими им русскими звукоподражаниями, что, очевидно, и послужило стимулом для опознания. 56 % из задействованных шумов не были даже приблизительно опознаны ни одним из участников эксперимента. Возможно, неприемлемой оказалась сама методика его проведения, оправдывающая себя в работе с носителями индоевропейских языков. Ведь уже на предыдущем этапе было выявлено, что китайскоязычные реципиенты, в сознании которых закреплена фиксированная силлабическая языковая система и иероглифическая письменность, с большим трудом осуществляют выход за пределы слога при порождении псевдослов, отдавая предпочтение использованию существующих в языке моделей, а не словотворчеству.

Несмотря на то что полученные данные не позволяют говорить об универсальности окказиональных звукоподражаний и степени их иконичности, общие результаты работы говорят о том, что нельзя отрицать существование межъязыкового иконизма в разноструктурных языках и наличие широкой перспективы для дальнейших исследований в этой области. Так, экспериментальные исследования сигналов различной природы на материале разноструктурных языков свидетельствуют о существовании определенного соответствия между фонетической оболочкой слова и его значением, что подтверждает универсальность такого явления, как межъязыковой иконизм (см. работы М. Э. Сергеевой, Е. Ю. Филипповой, Т. А. Пруцких, Е. В. Панькиной, С. В. Никрошкиной).

В Заключении подводятся общие итоги проделанной работы и указываются основные перспективы исследования.

Дальнейшие изыскания в данной области, привлечение к подобного рода исследованиям как можно большего количества разносистемных языков, расширение языкового материала поможет осветить круг вопросов, связанных как с удельным весом влияния той или иной языковой системы на характер восприятия и вербализации, так и зависимостью данных процессов от уже сформированной в языке картины мира человека.

На основе результатов настоящей работы рано делать окончательные выводы, поскольку в экспериментах по восприятию иноязычных ономапов принимали участие носители лишь двух разносистемных языков. Поэтому представляется целесообразным использовать материал других языков, диалектов, в наименьшей степени зависящих от литературного языка, и, возможно, обратиться к языкам, которые не имеют письменности (не обязательно к языкам сегодняшнего дня), проанализировать их с точки зрения характера плана выражения и плана содержания. Это позволит установить, насколько технические приемы номинации являются общими для всех языков мира, какое влияние оказывают особенности языковой системы, особенности языкового типа на характер приемов номинации.

Библиографический список включает 166 источников, цитируемых и используемых в ходе исследования, из них 16 на английском и китайском языках.

В Приложениях дана таблица слогов современного китайского языка пунхуа; представлены образцы анкет, использованных в экспериментах; предлагаются результаты исследования процесса вербализации носителями русского, английского и китайского языков.

Основные положения диссертации отражены в следующих публикациях:

В рецензируемых научных изданиях, включенных в реестр ВАК Минобрнауки РФ:

1. Вашквявичус (Кравцова), В. Ю. Экспериментальное исследование процесса вербализации неречевых сигналов носителями русского и китайского языков [Текст] / В. Ю. Вашквявичус (Кравцова) // Филология и человек. Научный журнал. –

Барнаул: Издательство Алтайского государственного университета, 2009. – С. 120–128 (0,5 п. л.).

В других изданиях:

2. Вашкявичус (Кравцова), В. Ю. Сопоставительный анализ русских и китайских кодифицированных звукоподражаний группы неживой природы [Текст] / В. Ю. Вашкявичус (Кравцова) // *Общетеоретические и типологические проблемы языкознания* [Текст]: труды международной научно-практической конференции (Бийск, 31 октября – 1 ноября 2005 г.) / Бийский пед. гос. ун-т им. В. М. Шукшина. – Бийск: РИО БПГУ им. В. М. Шукшина, 2005. – С. 59–62 (0,25 п. л.).

3. Вашкявичус (Кравцова), В. Ю. Экспериментальное исследование иконизма на материале звукоподражаний китайского языка [Текст] / В. Ю. Вашкявичус (Кравцова) // *Общетеоретические и типологические проблемы языкознания: материалы II Международной научно-практической конференции* (Бийск, 30 ноября – 1 декабря 2006 г.) / Бийский пед. гос. ун-т им. В. М. Шукшина. – Бийск: БПГУ им. В. М. Шукшина, 2006. – С. 92–96 (0,25 п. л.).

4. Вашкявичус (Кравцова), В. Ю. Экспериментальное исследование иконизма на материале звукоподражаний русского и китайского языков [Текст] / В. Ю. Вашкявичус (Кравцова) // *Альманах современной науки и образования*. – Тамбов: «Грамота», 2007. – № 3: Языкознание и литературоведение в синхронии и диахронии и методика преподавания языка и литературы. В 3 ч. Ч. 3. – С. 108–110 (0,19 п. л.).

5. Вашкявичус (Кравцова), В. Ю. Вербализация неречевых сигналов носителями китайского языка [Текст] / В. Ю. Вашкявичус (Кравцова) // *Общетеоретические и типологические проблемы языкознания* [Текст]: материалы Международной научно-практической конференции (Бийск, 4–5 декабря 2007 г.) / Бийский пед. гос. ун-т им. В. М. Шукшина. – Бийск: БПГУ им. В. М. Шукшина, 2007. – С. 35–40 (0,37 п. л.).

6. Вашкявичус (Кравцова), В. Ю. Экспериментальное исследование восприятия звукоподражаний русского языка китайскоязычными носителями [Текст] / В. Ю. Вашкявичус (Кравцова) // *Картина мира: язык, литература, культура: сборник научных статей*. Вып. 3 / Бийский пед. гос. ун-т им. В. М. Шукшина. – Бийск: БПГУ им. В. М. Шукшина, 2008. – С. 42–48 (0,3 п. л.).

Подписано в печать 27.09.2011 Формат $60 \times 84^{1/16}$. Бумага офсетная №1.
Гарнитура «Таймс». Печать офсетная. Усл. печ. л. 1,17. Тираж 100 экз. Заказ № 2116

Издательский дом «Бия», 659333, г. Бийск, пер. Муромцевский, 2